

ГЛАВНЫЙ балетмейстер Н. И. Трегубов перед репетицией осторожно расстегнул браслет и, сняв часы, бережно положил их на стол.

— Могут разбиться, — объяснил он.

Конечно, часы — вещь ценная. Поди, рублей пятьдесят стоят. А человек? Он-то требует более бережного отношения, особенно артист. И починить невозможно...

...Она узнала об этом в кулисах, перед началом последнего акта балета. Грация в пачках бросила мимходом:

— Слышала, худсовет тебя в миманс перевел. Не захочешь — уйдешь.

До нее не сразу дошел смысл сказанного. И то, что с ней сделали. И то, как именно. Неожиданно. Грубо. Неправедливо. За глаза. Правда, был как-то разговор, что нужен помощник режиссера балетных спектаклей. Предлагали ей. Мол, 38 лет для кордебалета не сахар. А тут и зарплата на 20 рублей больше, и работа — до старости... Но она отказалась. Разные были мысли. И что не справится. И что потеряет право на пенсию по стажу, до которой только четыре года. Но главная — это будет уже не она, Лера. Не та, вся жизнь которой в танце...

Ее отказ объясняли чем угодно: женским капризом, упрямством, нескромностью, хитростью, но только не любовью к своей профессии, к своему делу.

П Р А В О Л Ю Б И Т Ь

В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕКА

...Пятнадцать лет — прямо из хореографического — на этой вот сцене, в Одесском академическом театре оперы и балета. Ни замечаний, ни взысканий. Благодарности, грамоты, премии. Только в недавней поездке главный режиссер отмечал ее дисциплинированность, трудолюбие, исполнительность... И когда стало плохо в семье и она одна была вынуждена растить ребенка, только любовь к театру, сознание, что она не одна, поддерживали ее. И вдруг — такой удар... Для нее это было трудное время. Тяжело болел восьмилетний сынишка, а она уже третий месяц не получает алиментов от бывшего мужа.

...Решение о переводе ее в миманс было принято под предлогом «профнепригодности» — потери внешней и танцевальной формы. Вчера она еще была хороша, а сегодня главный балетмейстер «не видит» ее. А раз так, чего церемониться с какой-то артисткой кордебалета. Мол, и маленькая она, и ноги короткие, и немзыкальна, и невзлетична. Конечно, маловероятно, что за время работы в балете она могла так измениться (тем более, что принята она в театр при этом балетмейстере). Значит, надо

было найти «защепку». И «защепка» появилась, которая, как ни странно, оказала решающее давление на художественный совет, и на местный комитет, и на высшие инстанции. И уже фигурировала в авторитетных решениях и документах как неопровержимая. Вот как выглядела эта «информация» главного балетмейстера, на основании которой актриса была сначала отлучена от своей профессии, а затем — от театра и работы: «...Антонова не только потеряла профпригодность, но и не имела ее. Принята она была по настоянию прежнего директора (традиционно удобная форма ссылаться на «прежних») и буквально навязана балету». А директор Л. Богданович уточнил: мол, «прежний» воспользовался тем, что главный балетмейстер был в отлучке...

Решая судьбу актрисы, человека, члены художественного совета и местного комитета даже не потрудились ознакомиться с документами. А проверить было легко. Стоило только посмотреть заявление, послужившее основанием для зачисления актрисы на работу. Я его нашла. Вот оно. И собственно-

ручная резолюция главного балетмейстера: «Прошу зачислить... Трегубов».

Тот же Трегубов! Вся эта история с самого начала свидетельствует о неуважении к человеческому достоинству, к чувствам «маленького артиста». А уж любовь к театру ему не положена по штату. Увольнение актрисы не было вызвано острой необходимостью, а совершено из личных побуждений главного балетмейстера и директора театра при пошлой поддержке (в обход всех законов) художественного совета и местного комитета. Об этом неуважении говорит не только дух, но и буква всех документов, решавших судьбу актрисы. Даже в них она названа просто по фамилии, без инициалов, а руководители — уважительно, с именем, отчеством.

Она любила свое дело. Даже когда появился приказ об увольнении, она, направив свой протест в местный комитет и министру культуры республики, продолжала аккуратно посещать уроки и тренажи. Взбешенный ее упрямством, директор нанес «непокорной» последний удар. Ее остановил вахтер в служебном подъезде. Отобрав пропуск, объяснил: приказ директора.

Отныне ей был запрещен вход в здание, которое стало для нее вторым домом. В коллектив, в которому она еще принадлежала.

А когда она попросила директора помочь — зарплаты не получает, алиментов нет, — он отрезал:

— Пойдешь в миманс, получишь сразу за два месяца.

Тяжелые обстоятельства «маленькой актрисы» руководитель творческого коллектива использовал для того, чтобы бесцеремонно, по-хозяйски, с позиции силы добиваться своего. Мол, погодидаешь, согласишься...

Она не согласилась. Потребовалось вмешательство полусотни

должностных лиц, четыре месяца бесполезных мыканий по городским, областным и республиканским инстанциям, чтобы добиться справедливости. В Москве все было решено за два дня. Корифеи Большого театра — лауреат Государственной премии, народный артист РСФСР А. Мессерер, заслуженные артисты республики Г. Петрова и А. Томский, просмотрев ее, черным по белому записали: «...тов. Антонова В. Е. по своим профессиональным и техническим данным имеет право на работу как артистка кордебалета в театре оперы и балета».

Ее вернули в театр, но руководство и тут не поняло, что допустило незаконно. И директор театра Богданович, и главный балетмейстер Трегубов, и другие, вместо того чтобы почувствовать неудобство за свою вину, были взбешены тем, что какая-то незаметная артистка кордебалета проявила неуместную настырность. Они и сейчас не могут понять, что балерина совершила это не из-за скромной зарплаты и будущей пенсии, а главным образом из-за любви к своему делу, к театру, отстаивая не только свои права, но и свое человеческое достоинство. Главный балетмейстер отказывается занимать ее в репертуаре. Потребовалось вмешательство секретаря партбюро, чтобы ввести ее хотя бы в оперные спектакли. А о балетных, в которых она была занята раньше, нет и речи. Директор театра прямо мне заявил:

— При первом удобном случае, ну хотя бы при сокращении штата, все равно от нее избавимся.

Заведующая литературной частью театра Валентина Кулик пренебрежительно сказала:

— Господи, столько шума из-за какой-то артистки кордебалета! А у нас были случаи увольнения более нужных людей. И никакого шума. Потому что это были люди интеллигентные. Известно, что они

не умеют защищаться, конфликтовать, скандалить; у них сильно чувство собственного достоинства...

Руководство театра объясняет возвращение артистки в театр тем, что, мол, вмешалась «высокая рука», кто-то оказал давление...

Нет никакой высокой руки. Нет давления. Есть советские законы, есть люди, которые следят за тем, чтобы эти законы не нарушались.

Нет никакой высокой руки. Нет давления. Есть советские законы, есть люди, которые следят за тем, чтобы эти законы не нарушались.

Иван Иванович Михайлов, скромный инспектор отдела охраны труда ЦК профсоюза работников культуры, увидев у себя в кабинете усталую, отчаявшуюся женщину, ознакомившись с документами, из которых было ясно нарушение элементарных законов, позвонил в Большой театр и попросил посмотреть балерину.

Об этом человеке хочется сказать несколько теплых слов. Бывший артист, инвалид Отечественной войны, он более 20 лет — не только по долгу службы, но и по неистребимой любви к театру — отдал охране труда, прав и достоинства артиста, каким бы «маленьким» он ни был. «Наш Иван Иванович» — называют его многие, даже те, с кем когда-то «воевал», с кем вступал в бой, требуя восстановления справедливых прав человека. Даже администраторы, которые вынуждены были из-за его вмешательства отменять свои приказы, строгие взыскания и получать «проборки» начальства. Не говоря уже о тех, кто благодарен ему за помощь. На счету И. И. Михайлова немало сухих, канцелярских строк в документах и биографиях: «восстановлен на работе», «снято взыскание», но за которыми — судьба человека, вновь обретенная вера в себя, в справедливость.

Когда я высказала эти мысли руководству Одесского театра, услышала в ответ:

— Ну, знаете, в театре особенно трудно совместить заботу о высоком искусстве с заботой о человеке. Зрителя не интересует семейное положение и настроение актера. Мы стремимся «омолодить» балет.

Нет, в любом творческом коллективе забота об искусстве не вступает в противоречие с заботой о человеке. Только тогда артист, художник может смело дерзать, если его сознание свободно от забот о завтрашнем дне. Это душевное спокойствие отнюдь не предполагает спокойствия творческого. Здесь, разумеется, речь не о тех, кто стрижет купоны прошлых премьер и рецензий...

Одесский академический театр оперы и балета не старорежимная антреприза, частный владелец которой может выбросить на улицу любого служащего муз, коли не пришелся он по душе или по взгляду, а такой же рабочий коллектив, со всеми буквами и духом наших советских законов, охраняющих труд, достоинство человека. Театр, в котором главное — не слово хозяина, не желание его левой ноги, а сочетание заботы о творческом росте коллектива с гуманной заботой о каждом человеке, актере.

Не пора ли наконец руководителям театра серьезно задуматься о таком барском, застарелом, вредном принципе, как уверенность в том, что право любить искусство, право на человеческое достоинство имеют лишь ведущие артисты, которым немало отпущено «богом» и которым не меньше воздается в театре. Это право всех без исключения служащих муз — от премьеров до костюмеров.

Да, к сожалению, для каждого артиста приходит такой горький день, когда его внешние данные, возрастные изменения вступают в противоречие с требованиями искусства, зрителей. Но и тогда это вовсе не позволяет наступить на достоинство человека, перешагнуть через все законы и выбросить человека на улицу. Отлучение от профессии, от театра должно быть крайней мерой и вытекать из веских и безусловных факторов. Чтобы каждый раз забота об искусстве сочеталась с бережным отношением к человеку, к его чувствам.

Анна ГРЕК,
спец. корр. «Советской культуры».

ОДЕССА.